

Александр Ольшанский

Родник на Юго-Западе

*Александр Андреевич
Ольшанский*

РОДНИК НА ЮГО-ЗАПАДЕ

М., «Советский писатель», 1986, 320 стр.
План выпуска 1986 г. № 101

Редактор *А. Н. Ужанков*

Худож. редактор *Е. И. Балашева*

Техн. редактор *Ю. Н. Чистякова*

Корректоры *Б. Ш. Котт*
и *А. В. Муравьева*

ИБ № 5292

Сдано в набор 30.08.85. Подписано к печати 20.06.86. А 03446.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Обыкновенная
гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,77.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 578. Цена 1 р. 20 к. Ордена
Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069,
Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполи-
графпрома при Государственном комитете СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула,
проспект Ленина, 109

Александр Ольшанский

*Родник
на Юго-
Западе*

Повести и рассказ

Москва
Советский писатель
1986

Художник ЛЕВ САКСОНОВ

Ольшанский А. А.

О 56 Родник на Юго-Западе: Повести, рассказы. — М.: Советский писатель, 1986. — 320 с.

Сборник повестей и рассказов Александра Ольшанского — о людях из небольшого города Изюма и примыкающего к нему сельского района, о социальных процессах, происходящих в небольших городах, городах-полудеревнях, в которых проживает ныне около двух третей населения страны. Время и человек, современные проблемы и нравственное, духовное содержание их — это излюбленные координаты исследования и поиска автора, характерные для его творчества. Ряд рассказов и повестей новой книги продолжают цикл «изюмских рассказов», начатый писателем в сборниках «Сто пятый километр» и «Китовый ус».

4702010200—271
О ————— 101—86
083(02)—86

ББК 84. Р7

© Издательство
«Советский писатель», 1986 г.

РОДНИК НА ЮГО-ЗАПАДЕ

1

Где бы ни приходилось Игнату Панюшкину жить, привыкнуть к новому месту, прирасти к нему душой, сродниться никак не могли попросту не умел. Не получалось, и он без особого сожаления брал в руки чемодан, благодаря чему, признаться честно, жизнь его протекала преимущественно в общежитиях, в вагонах и вагончиках, балках, палатках, бунгало...

Он принаравливался к новым местам, даже свыкался с ними, и неведомое, загадочное, так манившее издали, переходило в разряд

знакомого и понятного, нередко поднадоевшего. Но душа Панюшкина не принимала серьезного участия в этой работе, оставаясь глуховатой к географическим перемещениям своего владельца. «Когда же и где он остановится, успокоится и образумится, пустит наконец корни?» — ворчала, наверно, Панюшкина душа, когда после армии его закружило, покатило по параллелям и меридианам. Душа у него была крестьянская, ей на роду было написано любить землю, не вообще, а в географически определенном месте, там, где стоит небольшая деревенька Кицевка, в красивом, между прочим, месте стоит — на берегу большого озера, окруженного по низинам ольхой, сосной — на песчаных буграх, а вокруг поля в голубых льнах, леса, где грибов и ягод тьма-тьмущая...

Отслужив действительную, Панюшкин приехал в деревню, только в довольно неудачное время — ее покидал Васька Шурупов. Выслушал Панюшкин доводы Васьки, посмотрел на избы, заколоченные через одну, на ярко-ржавый замок на ветхом клубе, узнал от матери, кто и куда из деревенских укатил, и стало ему сильно не по себе. О том, как он думает устраивать свою жизнь, мать разговоров не заводила. Конечно, ей хотелось, чтобы один-единственный сын остался дома, привел в избу молодую жену, но желание никак не согласовывалось с тем обстоятельством, что молодежь, кто как сумел, под разными предложениями уходила в город, заезжала порой в такие края, о которых в Кицевке никогда и не слыхивали. К тому же за годы службы сына мать научилась жить в одиночку, и ее особенно не пугало то, что сын куда-то уедет. Пусть, только было бы ему хорошо, думала она.

Игнат ходил в лес за грибами, ловил на озере рыбу, ждал, что вот-вот придут из колхоза и позовут на работу. Видел он и поле какого-то карликового льна, совсем захудалого, с проплешинами и репейником. С детства коробочки льна казались ему шлемиками древнерусских воинов. Не раз и не два в странствиях по белу свету всплывала в его памяти картина этой поредевшей рати, терзала и мучила.

Но это было потом, в конце странствий-путешествии, а пока из колхоза не шли и не звали. Несколько раз встретился на улице бригадир, тот ездил по своему обыкновению на телеге без ящика, то ли лень не позволяла поставить, то ли его вообще не было. Сиживал бригадир на задней тележной подушке, вероятно, на тот случай, если свалится, пьяненький, так не под колеса. Не удостоил бригадир демобилизованного сержанта разговором, когда тот здоровался и останавливался. Нет, начальство, сидевшее задом наперед, в ответ на приветствие сонно кивало, отворачивалось, и телега медленно катила дальше.

Васька Шурупов почему-то среди всех громких строек выбрал Нурек. Не исключено, что из-за дынь и арбузов, теплого климата и гор, которых он никогда не видел. Там было хорошо, но летом стояла жарища. Однажды Игнат ехал с Васькой на машине в Душанбе, опустил стекло и высунул голову, желая освежиться встречным ветерком, — но лицо не охлаждалось, напротив, нагревалось! Ошарашенный открытием, Игнат быстро поднял стекло, а Васька расхохотался. Вообще Шурупов везде чувствовал себя в

своей тарелке, его посадили на легковую машину, а Игнату доверили бульдозер. И, страдая в раскаленной кабине, борясь с искушением броситься в малахитовые ледяные воды Нурека, Панюшкин два лета, исключительно для закалки, точнее, для прожарки характера, выдержал, но на третью весну укатил в места попрохладнее — на строительство Усть-Илимской гидроэлектростанции. Четыре зимы курилась морозным туманом перед ним плотина, строители и в сорок градусов не прекращали работу, не активировали дни, и секретарь горкома комсомола, приезжая к ним, очень часто говорил: «Я бы вам, ребята, давал ордена. Всем!..» После Усть-Илима один сезон Панюшкин ловил возле Сахалина сайру, потом была страна Тюмени, как принято нынче говорить по радио, немного Байкало-Амурской магистрали, а напоследок — магистральные газопроводы...

В Тюмени Панюшкин провалился с трактором под лед, задремал и съехал с наезженного зимника. Проснулся, когда трактор, кроша лед, завалился носом в пике. Выбрался, добрел, гремя обледенелыми одежками, до буровой — на следующий день его отправили на вертолете в больницу. Пока Панюшкин с воспалением легких лежал в белоснежной больничной постели и размышлял о жизни, ребята, во избежание крупных неприятностей, как-то умудрились трактор спасти.

Основания для размышлений имелись. Васька Шурупов к этому времени закончил заочно институт, даже защитил диссертацию, перебрался в Москву и стал министерским работником. Короче говоря, Васька, теперь Василий Николаевич, сидел наверху, а Игнат Панюшкин лежал на койко-месте в больнице, которая вряд ли успела занять почетное место в статистике здравоохранения. Но не об этом речь. Летом Панюшкин заезжал к нему и, расслабившись за дружеским ужином, не желая казаться бедным родственником, похвастался: мол, намерен купить машину. И матери написал, что, по всей вероятности, придет на своих колесах. Если завелись лишние деньги, сынок, ответила она, покупай. С собой ты ее не возьмешь, будет она стоять в хлеву, а нынешние машины, говорят, гниют быстро. Да и дороговато — купить машину, чтобы доехать от Москвы до Кичевки.

— Мать права, — сказала Валя, Васькина, простите, Василия Николаевича, жена. — Возвращаться домой блудному сыну на «Жигулях» — все равно что на белом коне. Лихо, конечно, только нехорошо. У тебя мудрая мать,

Игнат. Прошлым летом мы отдыхали в деревне, она нас молоком отпаивала... говорили с ней о жизни, о тебе... Захотелось показать деревенским, что ты правильно сделал, а они, дураки, остались, никуда не уехали? Конный пешему не товарищ, и эту извозчицкую психологию глубже, больше чувствует пеший. Не выделяйся, Игнат, будь своим для них, и тогда тебе будет хорошо. Я ведь тоже деревенская...

Валя взяла на руки трехлетнюю дочь, чмокнула ее в щечку, малышка прижалась к матери и смотрела васильковыми удивленными глазенками на незнакомого дядю. Не успел стыд опалить совесть Игната за хвастливое намерение, как повеяло от молодой, красивой, нежной матери и ее малышки чем-то неизведанным, щемящим, зовущим. Уютом, домом и семьей повеяло...

Между тем возле Панюшкина присела на табурет Светлана Павловна — в шуршащем ломком халате, в белой шапочке, красиво надетой на коротко стриженную, под мальчишку, голову. Ему нравилось, когда она к нему приходила, — у нее были ласковые руки, добрые и печальные глаза. Говорили, что на машине «скорой помощи» насмерть разбился ее жених; может, поэтому она так была внимательна к Панюшкину, тоже вроде бы жертве транспортного происшествия? Или потому, что было тяжелейшее крупозное воспаление? Во всяком случае, Светлана Павловна, прослушивая хрипы, никогда не прикладывала металлический кружок фонендоскопа холодным, она перед этим его зажимала, нагревая в кулачке.

— Наградила вас природа здоровьем, Панюшкин, так берегите же его, — сказала она, довольная его успехами. — Скоро весна, — она посмотрела в окно, за которым свирепо выла пурга, вздохнула, — на юг вам надо, к морю, на солнышко. И курить бросьте. У него такое воспаление легких, а он еще курит!

— Возьмите, — протянул Игнат начатый блок сигарет. — Ради вас брошу.

— Ради меня бросать не надо. Но взять возьму, отдам кому-нибудь. С уговором: не просить обратно и не стрелять курево по больнице, увижу с сигаретой — выпишу за нарушение режима. Идет?

— Заметано, — улыбнулся Панюшкин, вспомнил жену Шурупова, васильковые глазенки малышки и спросил: — Подскажите, Светлана Павловна, как правильно: тридцать лет — жены нет и не будет, сорок лет — денег нет и не бу-

дет, так, кажется? Или сорок лет — жены нет и не будет?

— Нынче все сместилось, Панюшкин, перепуталось, — улыбнулась и она и, уходя, как-то по-свойски добавила: — Говорят и так: тридцать лет — мужа нет и не будет.

— У вас не будет?!

— А я что — исключение?

— Каждый человек — исключение.

Светлана Павловна задержалась на миг, взявшись за никелированную спинку кровати, и тут Панюшкин решил-ся. Возможно, потому что она смотрела на него не так, как всегда, без сострадания и боли, не отрывала она руку от спинки, глаза у нее посветлели и повеселели, словно в пасмурный день разошлись тучи и выглянуло солнце. И в палате они были одни.

— Светлана Павловна, у меня есть предложение: поедем вместе на юг, а? — и где только смелость взялась.

— Вот как! — вскинулись у нее брови. — Простите, в качестве кого?

— Не обижайтесь, Светлана Павловна. Я ведь от души...

— Ну и ну! — воскликнула она и быстро вышла.

В тот же день Панюшкин раздобыл одежду и ушел из больницы. Светлана Павловна отыскала его на аэродроме в балке, отведенном под зал ожидания. Сидячих мест в нем по случаю скверной погоды не имелось, Панюшкин забился в угол, сел прямо на пол и стал ждать самолет на Тюмень. Он не знал, куда он полетит или поедет из Тюмени, но оставаться в здешних краях было нельзя — стыд гнал Панюшкина отсюда, ведь он так опростоволохился, как купчик предложил такому человеку проклятое это дело на сто тысяч, обидел ни за что, подлец! И когда над ним, растолкав народ, наклонилась женщина в лисьей шапке, надвинутой чуть ли не на глаза, он не сразу узнал Светлану Павловну.

— Панюшкин, зачем же ты так, а? — голос у нее дрожал, дрожали и пальцы, когда она трогала его лоб. — Зачем? Боже, какой у тебя жар! Поднимайся, поедем в больницу.

— Простите меня, Светлана Павловна, за все, но я не поеду. Раз ушел, — значит все, точка. Простите меня, дурака...

— Не дурак ты, а дурачок, — сказала Светлана Павловна. — Поднимайся, слышишь? . Да поеду я с тобой на юг, честное слово, поеду, только вставай, Панюшкин. Не по-

зорь ни себя, ни меня — я же тебя с дружинниками разыскиваю ..

Потом Светлана Павловна не раз говорила ему: все решил безумный его побег. До Игната не раз предлагали ей подопечные и на юг ехать, и замуж выходить, но никто из них, получив отказ, не сбегал из больницы.

2

Женившись, Панюшкин несколько лет прокладывал знаменитые газопроводы, а Светлана Павловна уехала в Москву, жила в комнате, доставшейся ей от бабушки, рожала новое поколение Панюшкиных. Первой появилась Леночка, впрочем, так они хотели, через год родился Паша. Комнатенка была маленькая, в центре, погулять с детьми, в сущности, негде, и поэтому Панюшкин настаивал, чтобы Светлана Павловна пожила с детьми год-два в деревне, пока не построят кооперативный дом на Юго-Западе. Был ли тайный умысел у Панюшкина: понравится Светлане Павловне в деревне — и, кто знает, останутся они там жить? Был, но самую малость, в качестве варианта, притом маловероятного, — Панюшкин в ту пору об этом особенно не задумывался. Подумывал, прикидывал, но всерьез, до боли и смятения в душе не задумывался.

Светлана Павловна с большим трудом выдерживала в деревне один-два летних месяца и возвращалась в свой почтовый ящик — так он прозвал ее узкую и длинную комнату с одним окном, выходившим на зеленую от мха стену древнего кирпичного дома. Не жилье, а всего лишь адрес.

— Дочка, не обидела я тебя, старая дура, неосторожным словом? — допытывалась мать Панюшкина, глядя на сборы невестки.

— Нет, мама, все нормально, спасибо, — отвечала Светлана Павловна. — Мне в Москву надо: вдруг с кооперативом что-нибудь не так. Игнат часто в командировках в Москве бывает, иногда вообще прилетает на выходные. Сюда же ему далеко...

— А-а, — понимающе принимала объяснения мать, на самом же деле не могла дознаться, почему все-таки Светлане Павловне не нравится здесь, — и лес, и луг, и озеро, тишина и покой, корову, правда, продала, но две козы купила для внуков, и сад свой, все свеженькое, и отношение к невестке как к родной дочери, и щеки у внуков порозовели, налились дети здоровьем, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, ан нет — в Москву да в Москву.

А что в той Москве? Народу — видимо-невидимо, и-
нате́нка маленькая, мыслимо ли всю эту силищу людей
в хорошие квартиры расселить? И молоко, говорят, порош-
ковое, оно и молоком не пахнет, опять же — где взять пар-
ного молока для всего этого народища? И яйца там не кури-
ные, а какие-то фабричные, поэтому и рыбой пахнут, будто
не курица, а селедка их снесла.. И в деревне невестку лю-
били, все называли с первого дня Светланой Павловной.
Еще бы, доктор, да какой, — если кому занеможется, сразу
к ней бегут. Она никому не отказывала, внимательно вы-
слушивала каждого, в ночь-полночь шла к больному, а
Тимофею, который ездил на телеге всю жизнь задом на-
перед и на бригадирстве все нутро себе сжег, непре-
менно привозила или высылала индийское лекарство.

«Привезла мне фестиваль, Светлана Павловна?» — Ти-
мофей первым появлялся, когда она приезжала сюда.

«Лекарство называется фестал, Тимофей Кондратье-
вич», — терпеливо объясняла она и вручала заветную ко-
робочку.

«Пью-пью, а не запомню, фестиваль он или фискал,
главное — сильно помогает», — выкаблучивался Тимо-
фей...

Дошла молва о киевской докторше до центральной
усады, до самого председателя колхоза Вениамина Кув-
шинова, приехал он приглашать Светлану Павловну на ра-
боту. С ключами от нового дома со всеми удобствами...

— Соглашайтесь, Светлана Павловна, не пожалеете, —
уговаривал Вениамин. — Только одно слово: да — и ключи
ваши. Больницу на пятьдесят коек строим...

Зашлось сердце у матери, затаила она дыхание: а вдруг
согласится невестка, Игнат домой вернется? Но Светлана
Павловна взъерошилась вся:

— Вы всех так ключами от новых домов одариваете
или только меня решили купить?

— Не покупаю, а обеспечиваю материальной базой
свое предложение. Нам нужен такой врач, как вы, а у вас
в Москве нет квартиры. Ждете кооперативную квартиру
не один год, может, не один год еще придется ждать, а тут
готовый дом — кухня пятнадцать метров, три комнаты,
ванна, извините, теплый туалет, вы же к теплым в Москве
привыкли, сарай, погреб.

— Нет, все это слишком неожиданно. Надо подумать,
с мужем посоветоваться.

— А что тут советоваться? Дадим телеграмму, пусть

приезжает. Я с Игнатом в одном классе учился. Знаю, рад будет.

— Нет, я завтра уезжаю в Москву.

— Только что обещали подумать, Светлана Павловна, а говорите — нет! Эх,— хлопнул себя председатель по ноге,— какого дурака сваял! Надо было сперва показать дом, вот увидели бы — другой разговор пошел бы! Может, все-таки съездим и посмотрим?

— Большое спасибо, но я не стану смотреть.

— Какая же вы несговорчивая, Светлана Павловна! И как Игнат сумел уговорить замуж за него выйти, а? — пошел в обход Вениамин.

— А вот сумел,— улыбнулась Светлана Павловна.

— Тогда так: вы работаете и живете в этом доме, пока не получите квартиру в Москве. Вся мебель — за счет колхоза. Согласны?

— Ни в коем случае! — засмеялась Светлана Павловна.— Какой же вы хитрец, Кувшинов! Значит, я должна буду делать из вашей кирпичной, блочной или еще какой-то там коробки настоящую больницу, разумеется, попутно лечить людей, а потом, пережив самое сложное время — становление больницы, уехать в Москву? Или вы про себя думаете: привыкнет, стерпит, слюбится да и останется? Ищите удачу в другом месте, председатель.

— Вот такой главный врач нам и нужен. Хотелось иметь из своих людей. Вы — наша, Светлана Павловна, раз уж вышли за Игната замуж. Но пожалеете, вот увидите, пожалеете. Что ж, на нет суда нет. А может, все-таки подумаете и согласитесь, а?.. Короче говоря, ключи от коттеджа месяц ношу в кармане. И мое предложение остается в силе тоже месяц. Подумайте, Светлана Павловна, и соглашайтесь, пожалуйста...

3

Мать и Светлана Павловна рассказали Панюшкину о приезде Вениамина Кувшинова. Один и тот же разговор, а передали по-разному. Мать — с сожалением, ей, видать по всему, не придется пожить с детьми и внуками, а Светлана Павловна объяснила свой решительный отказ красным дипломом, полученным в институте, надеждами своих учителей, которые предстояло еще оправдать — и, конечно, не в сельской больнице.

В то время Панюшкин, а это было всего три года назад,

остался равнодушным к предложению Вениамина Кувшинова, правда, обмолвился как-то в разговоре с Шуруповым, дескать, приезжал в Кицевку наш школьный корешок, сказал, в сущности, просто так, для обмена не всегда обязательной информацией, которой снабжают нередко друг друга близкие люди. Васька хмыкнул, ничего не сказал, но хмыкнул иронично, свысока — Василий Николаевич после защиты диссертации премного прибавил в цинизме.

Посягательство Кувшинова на их городское житье-бытвое забыли, не до воспоминаний было, когда единственной реальностью для Панюшкина стал газопровод, который надлежало сдать в срок, даже семья для него существовала как бы условно. На последних десятках километров трассы, когда пришлось особенно туго, Светлана Павловна забросала телеграммами с просьбой приехать, посоветоваться, помочь управиться с новой квартирой.

Панюшкину так и не удалось выкроить два-три дня, не потому, что личные интересы у него полностью были раздавлены общественными, нет, оставить бригаду в то время было равносильно дезертирству, а ему хотелось оставить у ребят добрую память о себе. Шли последние километры, когда Светлана Павловна, возненавидев, должно быть, его бродяжничество, предписала телеграфом незамедлительно прибыть на Юго-Запад, на место пожизненной отныне его стоянки. Он ослушался, тянул время, не ожидая для себя ничего приятного, хотя послания Светланы Павловны приобрели ярко выраженную ультимативную масть. Потом телеграммы прекратились, Панюшкин почувствовал ледяное дыхание нависшей над их семьей грозы, судя по всему, с крупным градом, поеживался, но дело довел до конца и только тогда вернулся домой, по новому адресу, с орденом и трудовой книжкой в чемодане.

Над его головой давным-давно ясное небо, вовсю сияло солнце — Светлана Павловна плюнула на все и управилась сама. Нет, все-таки умела она хранить семейное тепло, и дружбу, и нежность... Более того, Панюшкин и не подозревал, какая у него шикарная квартира. Оказывается, Светлана Павловна заранее все продумала, расписала все до мелочей, приезд Панюшкина ей был нужен, как она выразилась, лишь для того, чтобы формальный глава семьи утвердил ее планы, не больше, от него все равно никакого толку... Но в своем закоренелом бродяжничестве он совсем одичал, не смог понять, что современной женщине от муж-

чины нужно лишь доброе слово, остальное же она способна сделать сама.

Светлана Павловна, разумеется, переклеила обои, заставила строителей поменять пол в прихожей и гостиной, отциклевала и покрыла лаком паркет, обшила кухню деревом, поменяла все двери и дверцы, побелила заново окна, раздобыла голубой унитаз и раковины, сделала по заказу стенку в прихожей, наконец, обставила квартиру новой мебелью — ни одной деревяшки из старой не взяла. Она действительно все предусмотрела, вплоть до новых тапочек для Панюшкина, и он, боязливо ступая в них по квартире и слушая взволнованную жену, вдруг почувствовал себя не то что не в своей тарелке, а в немалой степени стеснительно — такое чувство он испытывал не однажды в отделах кадров. Сверкала свежим деревом кухня, сияла в гостиной латунь на темно-вишневом французском гарнитуре, бездонной была мягкость кресел и пуфов, розовый шатер в спальне, который велено было называть альковым, — все это настораживало и смущало, было слишком контрастно с ассортиментом жилья, где обретался Панюшкин долгие годы.

— Живут же люди! — воскликнул он, вспомнив свои общежития, балки и вагончики, не осознав еще до конца, что он отныне входит в число этих людей, имеет к блеску и сиянию новой квартиры самое прямое касательство.

— Тебе нравится? — заглянула сбоку Светлана Павловна ему в лицо, рассчитывая на похвалу.

— Годится, — ответил он, как обычно говорил в бригаде, но по глазам жены догадался, что здесь этого мало, и добавил: — Молодец, тебе пришлось столько повозиться...

— Еще бы! — развивала свой успех Светлана Павловна. — И муж, кажется, есть, а все сама. Деньги не десятками шли, сотнями, тысячами! Черт с ними, решила, надоело жить в почтовом ящике. В общем, и шубу песцовую продала... Все равно она мне тесновата, а пока Леночка подрастет — моль съест. Живем один раз, надоело и тебе по казенным углам ютиться. Правильно?

— Годится, — ответил Панюшкин.

Человеческая жизнь, судьба, как и все на белом свете, устроена кругами, она как бухта кабеля — откуда ушел, гуда со временем, только на виток выше или на виток в сто-

рону, если не вернешься, то во всяком случае будешь стремиться, — так размышлял Панюшкин за рычагами японского бульдозера, роя котлован под новый дом на юго-западной окраине Москвы. Вообще после окончательного возвращения, вернее, водворения в лоно семьи Панюшкин ударился в раздумья и не мог лишь толком разобраться, беда это или просто возрастное, — их столько, оказывается, накопилось за сорок лет, словно раньше жил и ни о чем по-настоящему не задумывался, откладывая многое на потом... Он всю жизнь работал вместе с молодежью, привык к молодому размаху и беспечному взгляду на мир, еще бы — все впереди. Так считали ребята в его бригаде, им на круг было по двадцать два, от силы двадцать три, а ведь он в их окружении разменял пятый десяток, был старше вдвое доброй половины бригады, но как-то не замечал этого.

Между тем жизнь у него, если на нее смотреть с внешней стороны, вроде бы наладилась. С работой повезло: в ближайшей конторе по части механизации после того, как он показал трудовую книжку, воскликнули «Ого!» — затем поинтересовались, знаком ли он с японскими бульдозерами. «На «ты», — ответил он и получил новую машину. И дома все находилось в пределах нормы: дети не болели, Светлана Павловна наконец-то вздохнула, решила все-таки приступить к оправданию надежд учителей, засев за диссертацию. Жить бы Игнату да радоваться, так нет же, не попал он в ритм размеренного домашнего житья-бытья.

У жены давно сложился свой круг (опять круг!) друзей и приятелей, которыми она дорожила, но свести поближе с ними Панюшкина не спешила — он увидел многих из них на новоселье, люди как люди, веселые, но какие-то не свои. Светлана Павловна подготовилась к новоселью, представила квартиру во всем блеске, и гости напоминали Панюшкину не то госкомиссию по приемке объекта, не то группу народного контроля, интересовались буквально всем, где и как она достала, сколько платила и сколько переплатила. Светлана Павловна соловьем разливалась, получала за обстоятельные ответы комплименты. Это был большой праздник ее души. Наверно, подумал Панюшкин, у этих людей шло ожесточенное соревнование на тот счет, у кого квартира лучше, шикарнее, и супруга немало, видеть, выстрадала, пока наконец-то смогла им доказать, что и она не лыком шита.

Приглядываясь к ним и прислушиваясь к разговорам,

Панюшкин поставил перед собой ерундовый на первый взгляд и весьма непростой, если разобраться, вопрос: кто же они — люди как люди или «каклюди»? В бригаде нецензурная брань категорически запрещалась: употребление крепких выражений, как и крепких напитков, жестоко каралось — сто рублей за нарушение запрета. Лишь Панюшкин как бригадир имел лимит на три выражения и на одну бутылку в месяц для использования в чрезвычайных обстоятельствах, главным образом для внешних сношений. Это стимулировало у ребят своего рода самогонное словотворчество — родилось множество слов-заменителей, в том числе «каклюди», «каклюдь» и так далее. и тому подобное. Так вот, дорогие гости хорошо знали какого-то Витальку Переглядова, который оттягивал повторную операцию безнадежно больного старика, намекая родственникам, что оперирование стоит пятьсот рублей, родственники намеков не понимали, а Виталька тянул и тянул резину. Потом родственники намек поняли, дали гонорар, правда, с ведома прокуратуры, а старик, паршивец, вдобавок взял да и сыграл в жмурку, как выразилась одна приглашенная дама, со смехом... Виталька совсем обнаглел, зарвался, потерял всякое чувство меры — таким жестоким был приговор гостей бедолаге Переглядову. Так люди они или «каклюди»?

Институтские подруги подарили Светлане Павловне телефонную трубку-аппарат, хэндфон, с электронным набором и памятью, с режимом повышенной слышимости, позволяющей, скажем, готовить ужин и болтать с подружкой. Заползло в душу Панюшкина сомнение насчет жены, нехорошее сомнение, но Светлана Павловна, убирая посуду после новоселья, дала такую уничтожающую характеристику почти каждому из гостей, что сомнение не приобрело форму прямого вопроса. Приглашать в свой дом людей, вернее, «каклюдей», которых не уважаешь и даже презираешь, — это было недоступным для понимания Панюшкина. Не вела ли Светлана Павловна вдохновенно свою какую-то игру, не возвращала ли она дорогим гостям застаревший должок?

— Не расстраивайся, Панюшка, — позвонила на следующий день после новоселья Валя, жена Шурупова. — Когда черт выстраивает супружеские пары, то он нарочно путает. Василий Николаевич и Светлана Павловна были бы отличной парой. Но и у тебя с нею все будет хорошо — как жена она с гениальными задатками, только ей образование мешает; надо чем-то жертвовать ради семьи, и она

будет жертвовать, а пока не готова к этому. Не дави ей на психику. Мой Шурупов ночь из-за французского гарнитура не спал. Не заметил, как он расстроился вчера? Не обратил даже внимания на него? Это на тебя похоже, Панюшка, дорогой ты мой... Да, о черте. Если бы он ошибся, мы были парой ничего, на гроечку, так себе, но по душе, по душе на четверку вытянули бы. Не расстраивайся, Панюшка, все равно ничего не изменишь...

Была ли Валя права? В определенной степени — да, по верхнему, так сказать, слою, который лишь слепой не способен увидеть, а глубже, в окрестностях истины, — вряд ли, потому что Панюшкин не знал свою жену, как следовало бы узнать за семь лет супружеской жизни, пусть и прожитой врозь. Он маялся ощущением, что попал на окраину чужой жизни, в которую не вписался, более того, сомневался, сможет ли когда-нибудь по-настоящему вписаться, привыкнуть или приноровиться. Домашнее спокойствие и размеренность казались ему порой напряженными, а уют зыбким, ненадежным, хотя все шло нормально. Раньше он жил большим, настоящим делом, теперь же работа на японском бульдозере по три-четыре часа чистого времени за смену представлялась ему не чем иным, как бездельем, он даже зарплату получал не без внутреннего смущения — платили-то ему за восемь полных часов работы.

В новом положении у Панюшкина таким большим делом могли стать только дети — шестилетняя Лена в первые дни называла его исключительно дядей, не говоря уж о пятилетнем Паше. Как отец Панюшкин раньше был совсем никудышный, в последний раз семь месяцев подряд не показывался дома. Детям не хватало семейного тепла — они с ясельного возраста были на пятидневке и дома вели себя тихо, как в гостях. Ну что ж, подумал Панюшкин, чувствуя вину перед детьми, вместе будет теплее, и каждый день в начале шестого забирал их из сада. И детская комната, вообще вся квартира зазвенела ребячьими голосами, втроем они поднимали такой шум и возню, что Светлане Павловне приходилось их успокаивать.

— Давно бы так, — сказала она однажды с нежностью и удовлетворением. — Как мне приятно, когда дети играют и дружат с тобой! Вот если бы при этом порядка было побольше...

И чмокнула Панюшкина в щеку. И глаза у нее при этом влажно заблестели. До чего же сложный человек — Светлана Павловна!